Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

Николай II: крестный путь от «золотого рубля» к национальной катастрофе

СТАТЬЯ 4. ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ, РЕВОЛЮЦИЯ, БАНКРОТСТВО И СПАСЕНИЕ «ЗОЛОТОГО РУБЛЯ»[1]

Император Николай II слабо разбирался в военных вопросах и поэтому был весьма воинственным. Еще в качестве наследника престола он был назначен Александром III «куратором» всей дальневосточной политики России и посетил Японию с визитом, в ходе которого помешанный на ненависти к иностранцам полицейский Судо Цандзо на улице города Оцу нанес ему два удара самурайским мечом по голове. К счастью, наследник русского престола серьезно не пострадал, но кроме ссадин этот инцидент оставил у будущего российского императора стойкую неприязнь к Японии и японцам, которых он иначе как «макаками» больше не называл.

НАЧАЛО ПУТИ НА ГОЛГОФУ. ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Экономическая и военная экспансия России на Дальний Восток быстро привела к столкновению русских и японских интересов в Корее и в Китае. В 1898 году последовал захват Россией Ляодунского полуострова и портов Порт-Артур и Дальний. «Свершился тот роковой шаг, который повлек за собой все дальнейшие последствия, кончившиеся несчастной для нас японской войной, а затем и смутами», — писал[2] позднее Сергей Витте, игравший в качестве министра финансов и статс-секретаря ведущую роль в продвижении параллельно строительству Транссиба и КВЖД экономического, финансового и политического влияния России в Китай. Витте был противником войны и за эту позицию лишился поста министра финансов. Всесильный ми-

[1] Первая статья цикла опубликована в Cbonds Review, № 11, 2017, вторая — в № 1, 2019, третья — в № 2, 2019.

[2] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр.136.

нистр внутренних дел Плеве имел другую точку зрения: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Витте вспоминал: «Государь был... глубочайше уверен, что Япония... будет разбита вдребезги. Что же касается денег, то бояться нечего, так как Япония все вернет последствием контрибуции». В первое время обыкновенное выражение в его резолюциях было «эти макаки»[1].

Война с Японией началась 26 января 1904 года нападением японских кораблей на русскую эскадру в Порт-Артуре. Витте затем напишет: «Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн и затем как ближайшее последствие — революция, давно подготовленная... полицейско-дворцово-камарильным режимом. Затем революция перешла в анархию... Жаль царя. Жаль России... Бедный и несчастный государь! Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки, то есть пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я!»[2]

Россия, несмотря на подавляющее военное превосходство в численности армии и флота, к войне с «макаками» оказалась не готова. Армии в реальном смысле слова на Дальнем Востоке у России не было. Самые боеспособные и многочисленные армейские части были сосредоточены в европейской части империи, как и военные заводы, запасы оружия и снаряжения. Одноколейный Транссиб не справлялся с потоком военных грузов, мог перевезти не более 2 дивизий в месяц, переброска частей и снаряжения растянулась до лета 1905 года. Лучшие современные корабли флота оказались в Балтийском и Черном морях, понадобилась их переброска на Дальний Восток, закончившаяся трагической гибелью в Цусимском проливе.

31 марта 1904 года погибли броненосец «Петропавловск» и командующий дальневосточным флотом адмирал Макаров, после чего, вместе с гибелью других судов, флот был обречен на бездействие. 17–18 апреля был проигран Тюренченский бой. 28 апреля японцы высадились вблизи Порт-Артура. 17–23 августа было проиграно сражение при Ляоляне. 22 декабря пал Порт-Артур. Сражение при Мукдене было проиграно 15–20 февраля 1905 года. 14–15 мая 1905 года в Цусимском бою была полностью уничтожена эскадра адмирала Рождественского, бывшая последней надеждой на перелом в войне. «После этого поражения у всех появилось сознание, что необходимо покончить войну миром... Его императорское величество начал склоняться к мысли о перемирии», — вспоминал Витте[3].

По иронии судьбы, к лету 1905 года в основном закончилась переброска свежих боеспособных частей и снаряжения русской армии в Маньчжурию. Сосредоточив здесь более 940 тыс. солдат и офицеров, 450 тыс. штыков, 1672 орудия и 270 пулеметов, русские вооруженные силы получили явное численное и качественное преимущество над японской армией, обескровленной в тяжелых боях и потерявшей много кадровых офицеров. Япония не имела тогда развитой военной промышленности и была истощена финансово, в залоге у зарубежных кредиторов находились доходы от таможни, табачной монополии, железных дорог. Японское правительство также хотело мира. Русская армия после череды поражений, особенно после Мукдена, утратила боевой дух и способность к активным боевым действиям. Вести о разгорающейся революции, приносимые пополнением, также подрывали желание солдат воевать и жертвовать собой[4]. Ленин характеризовал ситуацию так: «Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным... Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса»[5]. Именно к этому моменту русская армия срочно стала нужна в европейской России для подавления нарастающей революции, с которой не справлялись полицейские силы.

ТРИУМФ ДИПЛОМАТА ВИТТЕ

В конце мая 1905 года президент США Теодор Рузвельт выступил посредником в начале мирных переговоров между Россией и Японией. Рузвельт, настроенный, по его собственному признанию, «прояпонски», действовал по просьбе японской стороны и группы американ-

ИМПЕРАТОР БЫЛ ПОСТАВЛЕН ПЕРЕД ПРОСТОЙ АЛЬТЕРНАТИВОЙ: ПРИСТУПИТЬ К ШИРОКИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ ИЛИ ВРУЧИТЬ ВЛАСТЬ ВЫБРАННОМУ ИМ ДИКТАТОРУ

[1] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 277.

2 Там же.

[3] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 371.

[4] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6, М., 1968, стр. 112.

[5] В. И. Ленин. ПСС, Т. 9, М. 1979, стр. 156.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ РОССИИ СТАЛИ РАЗВАЛИВАТЬСЯ. ВОЙНА ТРЕБОВАЛА ЗАГРАНИЧНЫХ РАСХОДОВ, НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ИСПУГАЛО ИМУЩИХ РОССИЯН

ских банкиров еврейского происхождения, активно финансировавших Японию. И японцы, и их кредиторы боялись затяжной войны с Россией[1]. 24 мая Николай II собрал в Царском Селе совещание высших военных чинов, которые единодушно высказались за скорейшее прекращение войны, поскольку одновременно справиться с войной и нараставшей революцией возможности уже не было. Николай II 29 июня предложил Витте возглавить русскую делегацию, переступив через личную неприязнь и унижение, поскольку в войне с Японией «все почти буквально сбылось, и сбылось даже значительно в большей степени, в значительно большем размере, чем я (Витте) предсказывал»[2].

Прибыв в США, Витте мобилизовал себе на помощь американскую прессу и общественное мнение. Используя приемы публичной дипломатии и общаясь открыто с представителями прессы, американских политических, деловых и финансовых кругов, он быстро добился симпатий к России. Зная о финансовом и политическом влиянии в США еврейской диаспоры, Витте умело выставлял себя поборником решения «еврейского вопроса» в России и предоставления равных прав евреям. Он посещал еврейские районы Нью-Йорка, общался на улицах с его жителями, многие из которых были выходцами из России. При этом Витте периодически шокировал японскую делегацию, раздавая интервью американской прессе о скором провале переговоров из-за неуступчивости японской стороны, выдвинувшей неприемлемо жесткие условия. Накануне начала переговоров он даже предложил открыть их для присутствия прессы, что японцы отвергли, чем еще больше настроили общественное мнение в пользу русской делегации. Давление на Японию усиливалось со всех сторон, поскольку в заключении мира были заинтересованы США, Франция и Англия при нейтралитете Германии.

На переговорах с японской делегацией, начавшихся 27 июля 1905 года, Витте намеревался держаться согласованной с Николаем II линии: заключить мир, но не платить никакой контрибуции или компенсации военных расходов Японии, не уступить ни одной пяди земли. Однако быстро стало понятно, что это недостижимо. Японцы потребовали полного преобладания в Корее, уступки Сахалина, Ляодунского полуострова, эвакуации русских из Маньчжурии, передачи южной ветки КВЖД до Харбина, уплаты контрибуции в размере стоимости войны для Японии, ограничения русских военно-морских сил, выдачи русских судов в нейтральных портах, предоставления рыболовных льгот в русских дальневосточных территориальных водах. Витте организовал утечку японских предложений в американскую прессу и дал японской делегации отрицательный ответ. Напряженные переговоры велись до 16 августа и неоднократно находились под угрозой срыва. К середине августа сам Витте уверился в срыве переговоров и дал указание готовиться к отъезду. Теодор Рузвельт вновь за кулисами вмешался в процесс и через посла в России сумел убедить Николая II согласиться с уступкой половины Сахалина в обмен на мир. Эта позиция была им доведена и до японского императора вместе с рекомендацией заключить мир. Рузвельт предупреждал, что в случае продолжения войны Япония уже не сможет рассчитывать на поддержку США. Японцы были вынуждены уступить, несмотря на общественное мнение в стране, выступавшее за продолжение войны с Россией «до победного конца»[3]. 16 августа планировалось провести последнюю встречу, которая началась с секретного совещания послов. После совещания Витте вышел к делегации и взволнованно сказал: «Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всем». В итоге Корея стала сферой влияния Японии, половина Сахалина, оккупированная японскими войсками, была уступлена, Маньчжурия и Ляодунский полуостров эвакуированы, Порт-Артур и Дальний перешли Японии вместе с частью КВЖД. По особому соглашению Россия заплатила за лечение японских пленных. 23 августа 1905 года мир был подписан. Витте вернулся в Россию триумфатором, получил титул графа и возвращен в «ближний круг» при императоре. Недоброжелатели тут же дали Витте обидное прозвище — «граф Полу-Сахалинский».

[1] Б. В. Ананьич, З. Ш. Ганелин. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000, стр. 196.

[2] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 375.

[3] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6, М., 1968, стр. 117–118.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

Параллельно стремительно нарастало революционное движение по всей России, радикальные элементы которого к этому моменту консолидировались. В 1902 году образовалась партия социалистов-революционеров, немедленно перешедшая к активному террору против представителей высшей российской власти. В 1903 году на базе марксистских кружков возникла РСДРП во главе с Лениным. Обе партии ставили задачей революционное насильственное свержение самодержавия и уничтожение монархии, введение республики с однопалатным парламентом, проведение уравнительного раздела земли среди крестьян. Под влиянием катастрофического хода «маленькой победоносной войны» множились аграрные бунты и крестьянские погромы помещичьих имений, нарастало рабочее стачечное движение, усиливалось широкое брожение в либеральных интеллигентских и деловых кругах русского общества, требовавшего конституционных изменений и политических реформ, направленных на введение народного представительства и ограничение власти самодержавного монарха. Террор усиливался, 5 июля 1904 года пал министр внутренних дел Плеве, боровшийся с революционерами путем усиления репрессий. Новый глава МВД П. Д. Святополк-Мирский представил Николаю II доклад с приложением проекта указа о привлечении в Государственный совет выборных от населения. В нем откровенно говорилось, что развитие страны требует немедленного изменения политических форм управления страной. При сохранении самодержавия нужно установить в России законность и широкую веротерпимость. Дело шло к установлению в России конституционной монархии.

9 января 1905 года войсками была расстреляна мирная демонстрация рабочих Петербурга, шедших с петицией к Николаю II. Революция разгорелась всерьез. В январе бастовали 444 тыс. рабочих, к маю — уже 810 тыс. рабочих, подавляющее большинство стачек носило политический характер и было откликом на 9 января. Началось подавление движения войсками, появились первые жертвы среди рабочих, в июне вспыхнуло вооруженное рабочее восстание в Лодзи (Польша), жестко подавленное армией. В феврале-марте 1905 года развернулась мощная волна аграрных бунтов, охватившая Центрально-Черноземный район, Польшу, Прибалтику, Грузию. Лозунг восставших — принадлежность всей земли крестьянам. Осенью 1905 года крестьянское движение достигло пика, охватив 240 уездов европейской России. По данным МВД, были разгромлены более 2 тыс. помещичьих имений, убытки помещиков превысили 29 млн рублей. На подавление крестьянского движения были брошены регулярные войска с объявлением чрезвычайного положения в Польше и Прибалтике[1]. В июне в Одессе восстал броненосец «Потемкин». Летом активизировалась либеральная оппозиция. В июле съезды представителей деловых кругов, земских и городских деятелей приняли обращения к царю с требованием введения народного представительства. К требованию присоединялись союзы интеллигенции. Бурлили университеты. 19 сентября забастовали рабочие типографии Сытина, к ним присоединились другие типографии, газеты перестали выходить; стачка росла, к ней лавиной присоединялись рабочие других отраслей и городов. 6 октября с забастовки железнодорожников началась Всероссийская октябрьская политическая стачка. Страна была парализована.

«ЦАРЬ ИСПУГАЛСЯ, ИЗДАЛ МАНИФЕСТ…»

Такую обстановку застал Витте в сентябре 1905 года после возвращения в Россию и возобновления исполнения обязанностей председателя Комитета министров. 9 октября в ходе аудиенции у Николая II Витте представил свои соображения по выходу из общенационального политического кризиса. Император был поставлен перед простой альтернативой: приступить к широким политическим реформам или вручить власть выбранному им диктатору с полномочиями беспощадного силового подавления смуты. Пугая царя тем, что «идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформ, то путем революции», Витте предложил устранить временные и чрезвычайные законы, на которых базировался административный произвол, дать населению гражданские свободы и ввести преобразования в государственном устройстве, гарантирующие эти свободы: «Государственная власть должна вступить на путь конституционный».

В итоге родился проект Манифеста 17 октября 1905 года[2]. Однако царь подписал его после долгих колебаний и сомнений, одновременно назначив Витте председателем вновь созданного Совета министров, высшего правительственного органа. Манифест возлагал на правительство обязанность осуществить предоставление дарованных императором населению гражданских свобод на основе неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. «Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы», — так заявил Витте в своем докладе императору[3].

Слишком мало и слишком поздно — так можно охарактеризовать отношение всех политических партий и сил к Манифесту и к фигуре Витте в качестве главы правительства. Витте был в штыки встречен печатью, либеральными партиями, монархистами и левыми партиями. Практически ни один из авторитетных общественных лидеров не согласился войти в его правительство. Витте воспринимался всеми как временная фигура, которая вскоре уйдет с политической сцены[4]. В итоге правительство было сформировано из высших чиновников. Ленин обозвал его «министерством либеральной бюрократии, которую столько раз побеждала уже придворная реакционная клика»[5]. Манифест не только не успокоил общественное мнение, но и вызвал обострение политической борьбы. Проходили массовые митинги и демонстрации всех политических сил и партий, возникло массовое промонархическое

[1] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6, М., 1968, стр. 171–172.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий: с приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 года и всеподданнейшего доклада графа Витте. — [СПб. : Тип. Север, 1906]. — [2].

[3] Там же. Стр. 3.

[4] С. В. Ильин. Витте. Серия ЖЗЛ, М., 2012, стр. 347–349.

[5] В. И. Ленин. ПСС, Т.12, М., 1979, стр. 30.

движение «Союз русского народа», начались массовые беспорядки и погромы мирного населения, в том числе еврейские погромы. Такие беспорядки прошли более чем в 100 городах, и в их ходе погибло до 4 тыс. мирных обывателей[1]. 26 октября вспыхнуло восстание в Кронштадте, быстро подавленное армией. Несколько сотен участников были преданы военному суду с перспективой вынесения смертных приговоров. 28 октября 1905 года в 10 губерниях Польши было объявлено военное положение.

Кульминацией революции явилось декабрьское вооруженное восстание рабочих в Москве, подавленное переброшенным из Петербурга гвардейским Семеновским полком. В боевых столкновениях в Москве с применением артиллерии в рабочих районах погибло 1060 революционеров и мирных жителей, в том числе 220 женщин и детей. Потери армии составили 20 человек убитыми (2 семеновца) и 46 ранеными. 13 августа 1906 года генерал-майор Мин, командовавший подавлением восстания в Москве, на глазах жены и дочери был застрелен эсеркой Зинаидой Коноплянниковой, повешенной затем по приговору суда. Витте в целом одобрял эти действия, полагая, что с революционным насилием можно справиться только насилием[2]. Карательные отряды расстрелами восстанавливали порядок в деревнях и вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Семь карательных экспедиций были направлены в Прибалтийский край для восстановления порядка. Здесь до февраля 1906 года было убито в боях 105 человек, 52 человека — при попытке к бегству, 356 человек расстреляны без суда[3]. Революция пошла на спад, и Николай II утвердился во мнении, что сила — это то, что нужно, а конституционные затеи Витте — не более чем опасная блажь. Царь был разочарован результатами Октябрьского манифеста и жаловался, что после его публикации вопреки обещаниям Витте беспорядки только усугубились. Сам Витте чувствовал, что его политическая судьба решена: «Стремление обходить меня... все усиливалось по мере успокоения (революции), но... боялись со мною расстаться, боялись государственного банкротства и отсутствия войск в империи... Я несколько раз заводил разговор с государем (об отставке)... и его величество давал мне понять, что еще есть важные дела, которые я должен сделать, и прежде всего совершить заем, дабы спасти наши финансы»[4].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАЕМ

Государственные финансы России стали разваливаться. Война требовала заграничных расходов, нарастание революции испугало имущих россиян, которые стали в массовом порядке переводить золото за границу. При отсутствии займов дальнейшее ведение войны было возможно только путем печатания бумажных денег; эмиссия нарушила все правила, связанные с поддержанием золотого паритета рубля. Золотой запас уменьшался. Раздавались все более настойчивые предложения отказаться от размена рубля на золото, что еще более усиливало панику и отток золота за границу. Все эти события подрывали русский государственный кредит за границей.

Витте понимал, что нужен огромный заграничный заем, который может быть реализован только на уровне высшей политической власти и договоренностей на межгосударственном уровне. Еще в 1904 году в процессе ведения переговоров с Германией о заключении торгового договора, он пытался договариваться с немецкими банкирами и политиками о заключении займа. Подготовив заключение торгового договора, Витте поставил перед канцлером Германии Бюловым открытие немецкого рынка для будущих русских займов как условие его подписания. Бюлов отказал, сославшись на мнение кайзера Вильгельма II: германский рынок должен быть закрыт для иностранных займов по принципу «немецкие деньги для немцев». Тогда в Берлине при подписании лежавшего на столе готового договора Витте хладнокровно заявил, что не подпишет его, пока не получит официального обязательства об открытии немецкого денежного рынка для будущих российских займов. Бюлов через четверть часа вручил Витте письма, разрешающие заем. Договор был подписан. Но займы отложены на будущее.

Летом 1905 года на пути в США для мирных переговоров с Японией Витте провел переговоры с ведущими французскими политиками и банкирами о возможности новых русских займов на французской бирже. На обратном пути уже после подписания мира переговоры были продолжены. В итоге высшие политики и крупнейшие французские банкиры обставили предоставление новых займов политическими условиями: обязательное заключение мира с Японией, которое было выполнено, и, главное, политическая поддержка Россией Франции в споре с Германией о разграничении сфер влияния в Марокко: до «решения марокканского вопроса никакие французские займы России невозможны»[5].

Находясь в США, Витте стремился прозондировать возможности привлечения Россией американских займов. 14 августа 1905 года он встретился с делегацией американских банкиров еврейского происхождения — «кредиторов Японии» — в составе Оскара Штрауса, Якова Шиффа, Исаака Зелигмана и Адольфа Левинсона. Они прибыли к Витте специально для обсуждения состояния «еврейского вопроса» в России. Витте прекрасно понимал, что без его решения рассчитывать на американские капиталы не приходилось. Кроме этой встречи Витте также встречался с банкирами Перкинсом и Джоном Пирпонтом Морганом. Встреча с Морганом, выразившим интерес к участию в будущих русских международных займах, особенно воодушевила Витте, телеграфировавшего министру финансов Коковцову: «Скоро Америка сделается главнейшим банкиром мира. России необходимо водвориться на американском рынке, дабы приобрести большую свободу действий. Ранее мне этого не удавалось; теперь наступило

[1] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6, М., 1968, стр. 164–165.

[2] С. В. Ильин. Витте. Серия ЖЗЛ, М., 2012, стр. 393–395.

[3] Там же. Стр. 410.

[4] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3, Таллин, Москва, 1994, стр. 319.

[5] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 302–303, 383, 386–388, 431–435.

время, когда этого можно достигнуть»[1]. Надежды эти, однако, не оправдались.

«Для того чтобы Россия пережила революционный кризис и дом Романовых не был потрясен, необходимы две вещи — добыть посредством займа большую сумму денег, так чтобы не нуждаться в деньгах (то есть в займах) несколько лет, и вернуть большую часть армии из Забайкалья в Европейскую Россию», — писал позднее Витте[2]. Заем предстояло заключить любой ценой до созыва Государственной думы, состав которой был непредсказуем, как и ее действия. Поскольку размеры планировавшегося займа были беспрецедентны, то необходимо было ставить во главе синдиката французских банкиров, о чем Витте договорился с ведущим французским банкиром главой Парижско-Нидерландского банка Нейцлином. Витте попытался прощупать позицию Ротшильдов, которые ранее активно организовывали займы для России, однако агент министерства финансов Рафалович, конфиденциально встретившись в Лондоне с лордом Ротшильдом, прислал лаконичную телеграмму: «Ротшильды... не могут этого сделать, покуда... не будут приняты... законы, облегчающие положение евреев в России»[3]. Рассчитывать на еврейские капиталы было нельзя.

7 октября в Петербург прибыла делегация французских банкиров для начала переговоров о займе. За сутки до своего официального назначения главой правительства Витте конфиденциально встретился с главой этой делегации Нейцлином и передал через него послание высшим политическим кругам Франции: Россия будет ориентироваться на союз с ней и окажет полную поддержку в решении в пользу французской стороны марокканского вопроса, русская революция будет подавлена и Россия ожидает от Франции при первой же благоприятной возможности крупного займа[4]. Манифест 17 октября также оказал поддержку курсу русских ценных бумаг на иностранных биржах. Даже Ленин признал, что «иностранные банкиры, обратившиеся в бегство из революционного Петербурга, обещают вернуться через две недели»[5].

Однако прошли месяцы, прежде чем заем был успешно заключен. Витте использовал свой международный авторитет и лично вмешался в дипломатический процесс. В ключевой момент он написал с санкции Николая II личное письмо Вильгельму, в котором подчеркнул, что для Германии марокканский вопрос не имеет никакого серьезного значения, но в то же время его нерешенность препятствует возможному сближению вплоть до степени союза между Россией, Францией и Германией. В конце концов Германия уступила, дорога к успешному заключению займа была открыта.

Однако 22 марта 1906 года Нейцлин сообщил Витте, что под давлением правительства Германии от участия в займе отказываются немецкие и американские банковские дома. Германия надеялась сорвать заем и вынудить Россию отказаться от свободного размена рубля на золото. Впрочем, в займе согласились принять участие английские и австрийские банкирские дома. После устранения всех политических препятствий в Париж был отправлен министр финансов Коковцов. 3 апреля 1906 года контракт был подписан и 9 апреля опубликован. 5%-ный заем сроком на 40 лет был реализован полностью в объеме 2 млрд 250 млн французских франков (843.75 млн рублей). Шесть французских банков во главе с Парижско-Нидерландским банком и «Лионским кредитом» распределили заем среди 596 тыс. подписчиков. 1 млрд 200 млн франков взяла на себя Франция, 330 млн — Англия, 165 млн — Австро-Венгрия, 50 млн – Нидерланды и 500 млн – российские банки[6].

Заем дал императорскому правительству возможность пережить все перипетии 1906–1910 годов. 15 апреля Николай II в личном письме Витте написал: «Благополучное заключение займа составляет лучшую страницу вашей деятельности. Это большой нравственный успех правительства и залог будущего спокойствия и мирного развития России»[7].

18 апреля 1906 года Витте подал в отставку и 21 апреля провел последнее заседание правительства. Его эпоха в русской истории закончилась.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАЕМ» ДАЛ ИМПЕРАТОРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕЖИТЬ ВСЕ ПЕРИПЕТИИ 1906–1910 ГОДОВ

[1] Цит. по: Б. В. Ананьич, З. Ш. Ганелин. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000, стр. 195.

[2] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 419–423.

[3] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3, Таллин, Москва, 1994, стр. 208–209.

[4] Б. В. Ананьич, З. Ш. Ганелин. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000, стр. 314.

[5] В. И. Ленин. ПСС, Т. 12, М., 1979, стр. 30.

[6] С. В. Ильин. Витте. Серия ЖЗЛ, М., 2012, стр. 447-448.

[7] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3, Таллин, Москва, 1994, стр. 237–238.